

Алексей Бородкин

Отставший

притормозите земной
шарик — я сойду

Алексей Бородин
Отставший

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Бородкин А. П.

Отставший / А. П. Бородкин — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Кто сказал, что наш мир статичен? Откуда уверенность, что мы его знаем? Мы изучили кусочек мироздания, но у этого айсберга огромная подводная часть. "Отставший" мужчина сталкивается с необъяснимыми (легко объяснимыми) явлениями природы. Он понимает, что ничего не понимает. И что этот новый-старый мир враждебен. Чтобы выжить есть только одно средство – понять. Этот рассказ написан на стыке мистики и фантастики. Однако сведущие люди уверяют, что это чистой воды реализм.

*Не стоит прогибаться под изменчивый мир,
Пусть лучше он прогнется под нас,
Однажды он прогнется под нас.
А. Макаревич*

Пару раз за свою сознательную жизнь Феликс мечтал быть бомжом. Было что-то привлекательное в этой "профессии". Безграничная свобода, ясность, синее небо. "Что нужно бомжу? – рассуждал. – Самая малость: картонная коробка, корка хлеба и лужа чистой воды".

Кажется, про это пел чувак из группы "Крематорий". Феликс напряг память, но вспомнилась всего одна строчка: "Я, аутсайдер, нищий изгой, жил всегда за чертой, в луже чистой воды..."

Теперь всё изменилось. Совсем. Теперь бомжом быть не хотелось. Категорически. Чертовски трудно спрятаться среди людей, когда ты так сильно от них отличаешься.

Щель между домами выглядела безобидно, и всё же Феликс выждал минуту. Медлил, всматривался в кирпичный рисунок. "Хрен его знает, откуда он появится... и на кого будет похож".

Прижимаясь к стене, Феликс прошел через арку, выглянул на улицу. Улица выглядела... необычно. Скривил губы, и подумал, что слово "необычно" подходит к этому пейзажу, как определение "мило" к бреду наркомана.

Мимо промчалась повозка на высоких тонких дугах. Спицы мелькали так часто, что рябило в глазах. Следом, на небольшой высоте, почти касаясь затылков прохожих, скользнул подросток на сверкающем алом диске. Мальчишка был одет в зелёный плащ с многочисленными карманами и длинными фалдами. Феликс невольно оглянулся на свою серо-синюю куртку. Вспомнил, как покупал её "чтобы не выделяться".

"Ага. Совсем неприметно".

Дольше оставаться в "щели" было невозможно. Худой мужик с пропитой физиономией уже открыто пялился. "Очевидно, дворник, – сообразил Феликс, стрельнув взглядом в татуированную рожу. – Хорошо хоть метла не изменилась".

"Из всех возможных пролетариев они самая гнусная мразь... прав был Полиграф Полиграфович в этом отношении".

Дворник взмахнул рукой, что-то вякнул и решительно выдвинулся вперёд. Феликс надвинул на глаза кепку, сделал морду топориком и пошел в противоположном направлении. "Хрен вы меня возьмёте, суки. Без боя не дамся!"

В подъезд возвращаться было опасно (провёл там уже две ночи). А куда? Пока неясно, но с центральной улицы нужно валить – это однозначно.

Феликс свернул в первый попавшийся проулок и обомлел: прямо перед ним из-под земли выросла огромная зубастая женская рожа. Подмигнула и послала воздушный поцелуй: "Привет красавчик!"

Рекламный баннер. Лифчики, омолаживающие кремы, путёвки в Таиланд.

"Ах ты, Боже мой!" Феликс почувствовал что дрожит, и как холодный пот стекает вдоль позвоночника. "Бежать! Бежать! – пульсировало в мозгу. – Как можно скорее!" Трезвая, спокойная половина сознания возражала, что драпать некуда. Просто некуда. "Главное – не суетиться, не мельтешить. Так продержимся дольше".

Вдалеке, в глубине двора стоял мусорный бак (к счастью они несильно изменились), рядом с баком высилась груда картонных коробок грязно-малинового цвета. Две пластиковые бочки странной формы и что-то ещё, вероятно мусор, предназначенный для переработки.

Это был "подарок" судьбы. Феликс направился к баку. Из коробок соорудил подобие избушки, подумал, что три поросёнка находились в похожих условиях: "Волки охотились за ними, чтобы сожрать. Люди... с аналогичным предложением".

До вечера сидел в укрытии.

Есть хотелось немилосердно. Контейнер с пищевыми отходами стоял неподалёку, однако воняло из него жутко. Феликс решил, что лучше сдохнет от голода, чем от желудочного отравления.

Над улицей вспыхнули фонари. Металлических "шей" не было видно (а быть может, их не было вовсе) и казалось, огни плывут над мостовой, как светлячки в поле в безлунную тихую ночь. Фиолетовые-зелёные-оранжевые одежды прохожих не казались больше пугающими. Напротив: "Я на карнавале, – думал Феликс, успокаивая себя. – Это такой карнавал необычный".

Зажглась вывеска: "Ремонт одежды любой сложности". Глаз машинально ухватил: "Ремонт надежды любой сложности". Перечитав ещё раз, подумал, а что? Разве надежда не нуждается в починке? Быть может, это самое сложное искусство – починить чью-то надежду.

Поёжился, глубже запахнул куртку.

Вдруг какая-то деталь зацепила сознание. Еще не понимая, что именно ищет, Феликс напрягся и взгляделся внимательнее. Увидел его.

"Точно! Я видел его раньше! В своей... прошлой жизни". Он условился называть свою прошлую жизнь "прошлой жизнью". Чтобы было понятно.

По мостовой, у самого края людского потока двигалась фигура в длинном бордовом... "Как это называется? Ряса? Паранджа? Балахон?" Фигура в бордовой накидке-кашае. На ногах незнакомца были сандалии (несмотря на позднюю холодную осень), в руках он держал деревянные чётки.

Феликс стремительно выбрался из своей "башни" и направился следом. Держась на отдалении, но ни на секунду не теряя "бордового мужика" из виду.

К счастью "погоня" продолжалась недолго. Бордовый свернул на соседнюю улицу, прошёл её насквозь, повернул ещё два раза. Сбавил темп. Впереди показался контур восточной пагоды – её обступили со всех сторон высотные здания, так что, не зная дороги, попасть сюда было трудно до невозможного.

– Тебе чего?

Разглядывая пагоду, Феликс отвлёкся и нагнал "бордового". Теперь тот стоял рядом, смотрел недружелюбно.

– Ты же этот... как тебя... – Феликс пошевелил пальцами, будто перебирал купюры в бумажнике. – Мусульманин?

Он ждал, что бордовый подскажет, но мужчина молчал.

– Буддист или кришнаит, – поправился Феликс.

– Ну и? – спросил бордовый, не отрицая предположения Феликса.

– Ты должен мне помочь.

Человек провернул на ладони чётки, и медленно от самых ботинок до макушки осмотрел Феликса. Будто высматривал под одеждой оружие или старался запомнить картинку до мельчайших подробностей. Закончив осмотр, кратко мотнул головой: "За мной!"

– Голову опусти вниз, – приказал, – и не смотри на людей.

Феликс (он впервые за несколько дней почувствовал облегчение) спросил, куда же ему смотреть в таком случае?

– На мои пятки, – получил краткий ответ.

Прошли двором (по заасфальтированной и обсаженной высоким кустарником дорожке), у глухого металлического забора задержались – на двери был замок.

Замок оказался весьма странной конструкции. Феликс ожидал увидеть приёмник магнитной карточки или (памятуя о фантастических фильмах) сканер сетчатки глаза, однако ничего подобного здесь не было. Справа от двери, из квадрата на уровне пояса торчал выступ. Формой и размерами он напоминал сучок на дереве, случайно или умышленно обломанный очень остро. Мужчина распахнул кашаю и придвинулся к устройству...

Феликс не разглядел подробностей, а посему задал вопрос, на каком принципе основан замок? (Когда они оказались внутри, в парке, а дверь, закрываясь, лязгнула.)

– Тестирует капельку крови, – ответил буддист.

Феликс поднял брови, но не успел ничего произнести.

– Из пениса, – пояснил его спутник. – Слышал об индейцах майя? Они считали эту кровь священной.

В глаза бросилась спартанская скромность храма. Вход не украшали львы или драконы. Статуя Будды не располагалась на крыше, не было видно затейливой резьбы и позолоты. Храм напоминал общежитие какого-нибудь "Института лёгкой промышленности". В институте обучались студенты из Азии, а потому здание общаги для них возвели в восточном стиле.

Огромная круглая арка. Несколько бронзовых колоколов разного размера на палкосои прямо в дверном проёме. Ровные деревянные колонны, выкрашенные бордовым цветом. Позади (как бы за храмом) маленькая аккуратная башенка. Архитектор устроил на ней регулярно выступающие элементы крыши, и от этого складывалось впечатление, что башенка ненастоящая. Что семь или восемь огромных тортов в шестиугольных коробках поставили друг на друга. Заготовили к празднику.

"Вот только чего ради? – задумался Феликс. – Чему радоваться?"

От вида этого странного места, Феликс опять затосковал, невпопад спросил, почему всё вокруг выкрашено бордовой краской? Получил ответ, что краска вовсе не бордовая, а вишнёвая. И что лучше бы ему не болтать и не соваться.

Впервые прозвучало слово "отставший":

– Не болтай без причины, отставший!

На входе в храм проводник крутнул молитвенный барабан мани, сделал Феликсу знак пригнуться, и они оказались в тёмном коридоре без окон и освещения. Слепший с улицы Феликс ухватил буддиста за руку и шел за ним, как за поводырём. (Впрочем, "как" здесь явно лишнее. Именно, что за поводырём.) Доносились запахи съестного, бытовые шумы и даже смех. Этот смех более всего насторожил Феликса, ибо он – определённо – принадлежал женщине. Женщинам – их было несколько.

– Где Ринчен Санпо? – спросил поводырём, непонятно к кому обращаясь.

– Пребывает в стабильности, – ответили из глубины комнаты.

Проводник удовлетворённо кивнул (Феликс уже пообвыкся с сумерками и различал детали) и продолжил движение по коридору.

Миновав несколько комнат, они оказались в маленьком зале. Пол этого зала располагался уровнем ниже, чем коридор и Феликс непроизвольно подумал о бассейне. Округлая форма зала и спаренные деревянные колонны усиливали такое впечатление.

В центре на маленькой циновке сидел человек в мягкой четырёхгранной шапочке и ожидаемо бордовой кашае. Глаза сидевшего были закрыты, он замер, будто оцепенев.

Однако, несмотря на полную неподвижность буддиста, Феликс был уверен, что ещё мгновение назад он ел. Об этом свидетельствовала маленькая чёрная миска (позади циновки) и влажные бамбуковые палочки, лежавшие на миске.

– Ринчен Санпо! – приветствовал проводник. – Да уплотнится твоя стабильность!

Монах ответил такими же словами и открыл глаза.

"Слепой!" – подумал Феликс с каким-то внутренним разочарованием.

Один глаз монаха был затянут белёсой плёнкой, второй не имел зрачка – на белом контуре глазного яблока лежала тёмная "копейка" радужки.

Тем не менее, монах осмотрел Феликса (таким же основательным манером: от ступней до макушки), затем пригласил сесть:

– Дай отдых пояснице, почтенный друг! – он указал обеими руками на циновку перед собой.

Феликс подошел и неловко опустился на бамбуковый диск. Долго пристраивал под себя ноги. Их было слишком много для такого маленького сидения.

Проводник, тем временем, растворился в тени коридоров, решив, что больше он здесь не нужен.

– Чайку бы! – произнёс монах, не повышая голоса.

В то же мгновение девушка в просторном оранжевом кимоно внесла глиняный чайник и две фарфоровые чашки. Поставила поднос на низенький столик и ретировалась.

Чай пили молча. Только сопение Феликса и громкое довольное причмокивание монаха разносилось по залу. Стало жарко.

Наконец, Феликс не выдержал.

– Вы монах? – спросил он.

Монах не отрицал.

– Буддист?

– Нет.

– А кто?

– Даос.

– Это что за херня? – спросил Феликс и густо покраснел.

Между тем, монах не огорчился на грубое слово. Он выглядел... как бы это сказать... Будто к директору детского сада привели в кабинет самого отчаянного и разбитного драчуна из младшей группы. Директор смотрит на это "чудо" и решает, стоит ли ему подружиться с малышом (метод пряника), или жестоко выпороть хулигана (метода кнута).

– Мне трудно с тобой разговаривать, – произнёс после паузы. – Глубина твоего невежества не имеет меры. Попробуй сформулировать вопрос по-другому.

– Чем вы отличаетесь от буддистов?

– Прежде всего, отношением к пустоте, – ответил монах, и Феликс почувствовал, что этот вопрос понравился. – Вот послушай, что говорит о пустоте буддистский наставник высочайшего ранга...

Монах потянулся к стопке книг (она стояла прямо на полу) и вытащил одну, в потрёпанном кожаном переплёте. Надел очки и откашлялся. Очки поразили Феликса. Это были суперсовременные окуляры со сложно-фокусными линзами. "Баксов пятьсот, думаю... – пронеслось в голове. – Может дороже".

– Пустота, – прочитал монах, – это отсутствие самобытия, собственной сущности явлений. – Он посмотрел на Феликса поверх очков, проверяя внимательно ли тот слушает. – Это отсутствие не отличается во всех вещах, но тот предмет, в связи с которым она созерцается...

Монах отвёлся от книги и пояснил, что созерцание происходит в Калачакре ("Это система буддистского мировоззрения, своего рода Мироздание").

– Так вот, в Калачакре, предмет в связи с которым созерцается пустота представляет собой не скандху, состоящую из атомов, а образ пустой формы. – Монах ещё раз взглянул на Феликса. – И происходит это по следующей причине: если постигающий пустоту ум и его проявление – пустую форму превратить в нераздельные тело и ум, осуществляется тело Мудрости, а тело, состоящее из атомов, в тело Мудрости не превращается.

Он опустил книгу, обратился к Феликсу: "Каково? Сомнительно, правда?" Ответа, впрочем, монах не ожидал и вернулся к чтению:

– Также пустота здесь – не всякая при исследовании. Она представляет собой отрицание пустоты как не-существования всего: нигилистического понимания вследствие неправильного способа исследования.

"Ну ты, братец, залупил!" – подумал Феликс, когда цитирование окончилось.

– А если простыми словами? – попросил, намекая, что понял немного.

– Буддисты просто не понимают, что такое пустота. Они рассуждают о ней только применительно к какому-то объекту! Всё одно, что рассуждать о тени предмета, опираясь только на его форму и забывая о положении солнца.

– А зачем рассуждать о пустоте, если там ничего нет? – задал вопрос Феликс.

– Пустота это не то, чего нет, – ответил монах. – А то, что есть. Но чего мы не видим или не ощущаем.

– А можно ещё проще? – спросил Феликс. – Без пиз... пустоты.

Монах вздохнул и озабочено нахмурился.

– Представь, что ты пошел прогуляться и попал под дождь. И не просто под дождь, а под ливень. Град лупит с куриное яйцо, ветер свищет. Что в таких обстоятельствах станет думать христианин?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.